

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНСПЕКТ

«МЕМОРИАЛ»

Предисловие * и публикация Андре Мазона

Комментарии Л. С. Журавлевой

Перед нами несколько страниц воспоминаний Тургенева, касающихся периода с 1830 по 1852 год. Они вкратце знакомят нас с событиями, которые казались писателю наиболее значительными в его жизни и возникли у него в памяти в то время, когда он мысленно вернулся к прошлому, к юношеской поре. По-видимому, записи сделаны в конце 1852 г. Это действительно записи писателя для себя, состоящие из кратких заметок, которые вызвали у него определенные представления, а для нас остаются порою неясными, а то и вовсе непонятными. Эти несколько пожелтевших страниц являются самым значительным биографическим документом, хранящимся в тургеневском фонде Национальной библиотеки, — поэтому-то в «Описании», изданном в 1930 г., этими записками и открывается раздел «Documents biographiques» («Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. Notices et extraits». Paris, 1930, p. 102). Толкование этого документа, расшифрованного мною с помощью В. Бутчика (которому я приношу благодарность) и сотрудников «Литературного наследства», требует еще некоторых разысканий, но самые существенные данные уже собраны и представлены в комментарии, сопровождающем публикацию этого документа. Я благодарю Л. П. Гроссмана, а также И. С. Зильберштейна и других сотрудников редакции «Литературного наследства» за уточнение ряда имен и географических названий и толкование не вполне ясных по смыслу записей.

Тетрадошка в десять листов, из которых только первые пять заполнены, носит название «Мемориал». Этот мемориал, по мысли автора, должен был охватить время от 1818 г. (года его рождения) до 1853 г. Годы детства (1818—1829, а также 1832) в записях не освещены. Под 1851 годом сделана запись: «Новый год в Москве» и позднее добавлено: «С 1851-го г(ода) я стал вести дневник». Дневник этот не сохранился. О 1852 годе сказано только: «Новый год в Петербурге», а под 1853 годом нет никакой записи. Следовательно, записи «Мемориала» ограничены 1830—1850 годами, юностью писателя, его первыми литературными шагами и первыми крупными произведениями.

Мысль о наброске краткого автобиографического конспекта возникла у Тургенева еще за два года до написания «Мемориала», в конце 1850 г. На полях черновой рукописи «Дневника лишнего человека», хранящейся в ГПБ (ф. Тургенева, № 20, л. 2), Тургенев записал столбец дат, внутренняя связь которого с «Мемориалом» обнаруживается с первого взгляда: в обоих документах охвачен примерно один и тот же отрезок времени, каждая запись начинается с указания места, где Тургенев находился на Новый год. Вот этот столбец, который до сих пор никогда не публиковался, хотя некоторые из его записей были использованы М. К. Клеманом при составлении «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева».

* Перевод с французского Е. А. Гунста.

1851 — où?

1 Janv. 1850 (?) à? — à Paris.

1 Janv. 1849. Paris.

1 Janv. 1848 — Paris.

1 Janv. 1847 — Pétersbourg... Départ pour la France, par terre.

1 Janv. 1846 — Pétersbourg. L'été à Spasskoïe.

1 Janv. 1845. Pétersb<ourg>. Voyage à Paris. (Retour en Russie, par terre.)

1 Janv. 1844. Pétersb<ourg>. (L'été à Pargolovo.)

1 Janv. 1843 à Pétersbourg. [Капусель] (Pavlovsk) Fin d'octobre. Connaissance avec P<auline>.

1 Janv. 1842 à Moscou. (Voyage à Marienbad, par terre.) Retour en Russie (par terre).

1 Janv. 1841 à Berlin. Retour en Russie (на «Александр»).

1 Janv. 1840. St.-Pétersbourg. Voyage en Italie, puis à Berlin, par terre.

1 Janv. 1839 à Berlin. (Retour en Russie на «Николае».)

1 Janv. 1838 à Pétersbourg. (Voyage en Allemagne, par mer.)

1 Janv. 1837

1 Janv. 1836 } à St.-Pétersbourg.

1 Janv. 1835 }

1 Janv. 1834 à Moscou. 30 octobre/11 novembre (mort de mon père).

1 Janv. 1833

1 Janv. 1832

1 Janv. 1831 } à Moscou.

1 Janv. 1830 }

1 Janv. 1829 }

etc.

Как видно из приведенного текста, многие из этих кратких записей перекликаются с записями «Мемориала», который отличается, однако, значительно большей полнотой и разнообразием содержания.

«Мемориал» — документ глубоко интимный, и вся ценность его — в полной искренности. Неправильно было бы назвать его «конфиденциальным», ибо автор писал его только для самого себя и, конечно, не собирался никому доверять. Композиция его, если только возможно тут говорить о «композиции», сводится к ряду имен, дат, отдельных слов; все это, конечно, связано с определенными воспоминаниями, чувствами, мыслями, но зачастую они понятны только самому Тургеневу.

«Мемориал» выдержан в той манере, которой не свойственны глаголы и законченные фразы; это просто обращение к собственным воспоминаниям человека, достигшего полной зрелости (Тургеневу в 1852 г. было 34 года). Он быстро набросал на страницах тетрадки рамку в два столбца и заранее проставил даты — по шесть цифр на каждой странице, намереваясь записать год за годом сохранившиеся в его памяти наиболее значительные события юности, которая казалась ему уже далекой. Важнейшие события его жизни занесены сюда в той последовательности, в какой они ему представлялись, и в соответствии со значением, которое они для него сохранили. Многим случалось наедине с самим собой делать подобные тайные признания, столь же выразительные в своей сжатости, но редко такая исповедь оказывается записанной, а если и бывает записанной, то редко не подвергается уничтожению. Как много говорит этот «Мемориал», чудом уцелевший при уничтожении Тургеневым своих бумаг в 1857 г.

«Мемориал» настолько краток, что допускает лишь очень осторожные комментарии. Но документ говорит сам за себя: образы, оживающие благодаря именам родственников, друзей и приятельниц, молодых женщин, которых любил писатель, его товарищей по работе, а также любимых собак, которые занимали так много места в его жизни охотника; события, отмеченные одним словом, как например: «Безденежье», «Болезнь», «Отъезд», или заметка «Знакомство с Полиной», выделенная крупными буквами и к тому же подчеркнутая (1843 г.), или «первый поцелуй» под новый, 1846 год, или «Самое счастливое время моей жизни» (запись под 1845 годом, тоже подчеркнутая); «Революция без меня!» (1848 г.); «Маменька умирает...» (1850 г.) — все это само по себе настолько красноречиво, что не нуждается в словах и, тем более, в оценке.

1839.

1842.

Крестъ въ б. Тархант.

Крестъ въ б. Моветт. - Страны б. б. б. б.

Горы... въ Тархант... (въ б. б. б. б.)

Водопадъ... (въ б. б. б. б.)

Устье въ горахъ. - Канал 2^й (въ б. б. б. б.)

Въ горахъ... (въ б. б. б. б.)

1840.

1843.

Крестъ въ б. Тархант... (въ б. б. б. б.)

Крестъ въ б. Тархант... (въ б. б. б. б.)

1841.

1844.

Крестъ въ б. Тархант... (въ б. б. б. б.)

Крестъ въ б. Тархант... (въ б. б. б. б.)

«МЕМОРИАЛЪ» АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ТУРГЕНЕВА
Автограф, 1852 г. Лист 3
Национальная библиотека Ларик

МЕМОРИАЛ

28 октября.

С 1818-го до 1830-го ^{1*} —

1830

Отъезд отца больного из Самотечского дома. Определение к Вейденгаммеру.

1831

Мы выходим от Вейденгаммера ^{2*}. Возвращение отца здоровым (летом).

1832 ^{3*}

1833

Новый год в Москве. (Первая любовь.) Кн^яжна Шаховская. Я себе ломаю руку. — Определение в Университет. — *В. Перепутье*. — Житье на даче против Нескучного.

1834

Новый год в Москве. Университет. (Армишка.) Атбек. Курдюмов. Краузе ^{4*}. — Брат определяется на службу. — Маменька уезжает за границу. Переезжаем в Петербург. — Смерть отца 30-го октяб^ря. Сочинение ^{5*} *Стено*. (!)

1835

Новый год в Петербурге. *Maladie de croissance* ^{6*}. Маменька возвращается в Петербург. (Операция полипа. Громов.) На лето в Москве. — Маменька живет на Девичьем поле: Карпова. Театр. Протасов. Телепнев. Беснования. Александра Протасова ^{7*}. Езжу на короткое время с дядей в деревню. — *Сантинель*.

1836

Новый год в Петербурге. — Лето на даче. (Маменька, Гиллис, Викулов. — Покупается *Наполь 1-й*: Охота.) — Хитровы. — Я не выдерживаю на кандидата. Действ^ительный студ^ент. Фишер. В ноябре умирает Миша Фиглев. *В. Живем мы в Линеvском доме*. — *Рыбаvкое*. — Покупается мною Находка, жеребец для брата.

1837

Новый год в Петербурге. — Наполь 2-й родился в феврале ^{8*}. Линеvский дом. Дозе. — У нас несчастные вечера. — Я выдерживаю на кандидата ^{9*}. Поездка в деревню. В 1-й раз имею женщину, Апраксею в Петровском ^{10*}. Викулов и Афанасий в Гольтвеве ^{11*}. Наполь 1-й бесится в Долгом. Самель. В сентябре ломаю руку. — На зиму возвращаюсь в Петербург.

1838

Новый год в *Петербурге*. В мае в 1-й раз за границу. Пожар Николая. Елеонора Тютчева ^{12*}. Путешествие по Германии. (Б^арон Розен. Порфирий ^{13*}. Демидов.) В сентябре в Берлине. (Станкевич, Грановский, Неверов.) Вердер. — В конце года болезнь в пузыре (*catarrhe*). Фролова.

1839

Новый год в Берлине. Уезжаю весной ^{14*} через Штеттин. Буря. — Приезд в Петербург 14 мая. Буря в пристани ^{15*}. — (Анна Яковлевна у брата.) Летом в деревне. — Наполь 2-й. — (1-й раз в Телегине.) На зиму еду в Петербург.

1840

Новый год в Петербурге. В январе отъезд с Кривцовым в Италию. Рим, Неаполь, Ховрины, Шушу, Марков, Станкевич, Брыкчинский ^{16*}, Ефремов ^{17*}. Летом в Берлине. Смерть Станкевича. Знакомство с Бакуниным. Его сестра. Вердер. Житье в Mittelstrasse 60. Kant. (Старуха.)

ПОЛИНА ВИАРДО

Гравюра с автопортрета, сделанного в 1843 г.,
во время первого пребывания Виардо в Петербурге
«Нива», 1883, № 45

Миллер. Бригеман.— Поездка в Мариенбад ^{18*}. D-r Herzig. Почека.— Бритый малоросс. Погодин. Страшная болезнь (санглот) в Дрездене. Hedenus ^{19*}.

1841

Новый год в Берлине. В марте Ständchen Вердеру.— Bettina.— Отъезд весной через Любек.— Еду в деревню. На дороге заезжаю к Бакуниным.— Татьяна ^{20*}. Авдогья Ерм(олаевна).— *Бейеры*.— Наполь 2-й. Охота с Порф(ирием) и Афанас(ием) ^{21*} в Гольтязеве ^{22*}. Наполь уже отказывается служить. Поселяюсь к зиме в Москву с маменькой ^{23*}.

1842

Новый год в Москве. Авдогья Ер(молаевна) продолжает ходить и беременная. В мае родится Полинька ^{24*}. Аксаков etc. Я лев. Ховрина, Блохина, Елагина, Самарины etc. etc.— Я хочу быть ^{25*} профессором

философии! (Погорельский, Строганов.) Экзамен на магистра.— Еду держать его в Петербург за отказом Давыдова. Выдерживаю. (Грефф, Фишер.) В деревне.— Охота весной в Комареве с Бейером. Бакунина Татьяна в *Шашкине*.— Сцена в Петровском. Я опять уезжаю в Мариенбад.— Безденежье. Захарьевский.— Бакунин.— Болезнь в Дрездене и Берлине. Гервег. Возвращаюсь сухим путем ^{26*} с Павлом Бакуниным. Болезнь. Знакомство с Языковой.

1843

Новый год в Петербурге. Желание определиться на службу.— Не удается. Около ^{27*} святой недели издается Параша. Сопп'са ^{28*}.— Езжу в деревню. Возвращаюсь в Петербург. Павловск. Катя. Определяюсь на службу. Даль.— Белинский. Панаева ^{29*}. В ноябре *знакомство с Полиной*. Итальянская опера etc. etc. Pizzolato etc. etc.

1844

Новый год в Петербурге. Первое расставание. Еду в Москву ^{30*}. Ess'bouquet ^{31*} на дороге.— Возвращаюсь в мае.— Пиццолато.— Живу лето в Парголово.— Белинский у Лесного института. (Разговор.) Полина возвращается в октябре.— Опять dans le tourbillon... ^{32*} Tolly, длинная собака, охота с Зинов(ьевым) у Ладожск(ого) озера ^{33*}.

1845

Новый год в Петербурге. Дядя меня рано увозит. Москва. Концерты Полины в Москве. Возвращение вместе. Отъезд ^{34*} в чужие края.— Куртавнель. Жорж Санд. Поездка в Пиренеи ^{35*}. *Самое счастливое время моей жизни*.— Возвращение к зиме. 19/31 декабря *Templario* — первый поцелуй.....

1846

Новый год в Петербурге. Отъезд Полины... Я уезжаю в деревню.— Там до октября. (Фифина.— Настя.) Возвращение к зиме в Петербург.— Хорь и Калиныч напис(ан) в этом году.

1847

Новый год в Петербурге. 12-го января отъезд в Берлин с хорошенькой мемелянкой ^{36*}. Свидание в Берлине. Жизнь в Берлине. Жидовка. Мюллер. Ланке. Потом Зальцбрунн. Белинский.— Анненков.— Лондон.— Булонь. Куртавнель.— *Babie*... не то, что следовало! Зима в Париже.— *Gastrite*.

1848

Новый год в Париже.— Поездка в Брюссель.— Революция без меня! — Rue de l'Echiquier — 15 Mai. Потом ужасный день *19-го мая!* Болезнь.— Куртавнель. Страдания. Поездка в южную Францию. Марсель ^{37*}. Покупка дома Rue de Douai.— Rue Tronchet. Герцен. Тучковы.— Где тонко, там и рвется. Нахлебник.

1849

Новый год в Париже. Все лето в Куртавнеле без денег.— *Холостяк*. 14-го/26-го июня я в 1-й раз с П(олиной).— (Куплена Диана.) Зимой опять страдал. Летом Завтрак у предводителя.

ПАРИЖ. ЦВЕТОЧНЫЙ РЫНОК

Цветная литография из альбома: «Promenade dans Paris et ses environs par J. Jacottet et Ph. Benoist». Paris, s. a.

1850

Новый год в Париже. 6-го января. — Гуно. Весна в Куртавнеле. — (Сафо, Полина в Берлине.) Возвращение ее ^{38*}; разлука 5/17 июня. Отъезд. — Возвращение в Россию. Петербург. Тютчев. — Москва. Ссора с маменькой. Житье в Тургеневе. Диана. Ссоры и дразги. Возвр(аще-ние) в Петерб(ург). Отправление Полиньки. Поездка в Москву. Маменька умирает 16-го ноября.

1851

Новый год в Москве.
С 1851-го г(ода) я стал вести дневник.

1852

Новый год в Петербурге.

1853

^{1*}Записи за эти 12 лет отсутствуют. — Ред. ^{2*}Далее начато и зачеркнуто: Этот о(…) ^{3*}Под 1832 г. запись отсутствует. — Ред. ^{4*}Краузе — вписано ^{5*} Первоначально было: Сочинения; затем это слово было зачеркнуто и восстановлено с исправлением на: Сочинение ^{6*}Болезнь роста (франц.) ^{7*}Далее зачеркнуто: Чтение ^{8*} На-полье 2-й ∞ в феврале—вписано ^{9*}Я ∞ кандидата — вписано вместо: Я не выдерживаю экзамена на кандидата. Действительный студент. Финшер ^{10*}В 1-й раз ∞ в Петровском — вписано ^{11*}Викулов ∞ в Гольтьеве — вписано ^{12*}Пожар ∞ Тютчева — вписано ^{13*}Порфирий — вписано ^{14*}весной — вписано вместо зачеркнутого; летом ^{15*}14 ∞ в пристани — вписано ^{16*}Брыкчинский — вписано ^{17*}Далее зачеркнуто: в ^{18*}Далее зачеркнуто: Санглот ^{19*}Dr Herzig ∞ Hedenus — вписано ^{20*}На дороге ∞ Татьяна — вписано ^{21*}и Афанас(ием) — вписано ^{22*}в Гольтьеве—вписано. Далее зачеркнуто: Он ^{23*}Далее густо зачеркнуто два слова нрзб. ^{24*}Авдотья ∞ Полинька — вписано ^{25*}Я хочу ∞ профессором — вписано вместо исправленного: Я профессор ^{26*}сухим путем— вписано ^{27*}Около—вписано вместо зачеркнутого; Летом на ^{28*}Так (франц.) ^{29*}Па-наева — вписано ^{30*}Еду в Москву — вписано ^{31*}Эсбук (франц.)—сорт духов ^{32*}в водвороте (франц.) ^{33*}длинная ∞ озера — вписано ^{34*}Отъезд — исправлено из: Езда ^{35*}Поездка в Пиренеи — вписано ^{36*}мемеляйкой — вписано вместо зачеркнутого: тильзиткой ^{37*}Марсель — вписано ^{38*}се — вписано.

КОММЕНТАРИИ

Тургенев, как известно, неохотно откликнулся на попытки современников получить от него автобиографические сведения. «Моя биография в моих сочинениях», — ответил он на вопрос одного итальянца, писавшего его биографию («Тургеневский сборник». <Пр., 1915>, стр. 24). Работая над «Литературными и житейскими воспоминаниями» в конце 1868 — начале 1869 г., Тургенев ограничился сообщением в предисловии лишь самых основных фактов своей жизни, заявив: «Довольно распространяться о собственной особе; буду говорить о других» (X, 262).

Воспоминания его, отразившие литературно-эстетические и политические взгляды писателя, меньше всего могут быть названы воспоминаниями житейскими. В письме К. К. Случевскому от 8 марта 1869 г. («Шукинский сборник», вып. VII. М., 1907, стр. 323), в сведениях, данных П. Н. Полевому для книги «История русской литературы в очерках и биографиях» (СПб., 1874) и С. А. Венгеру для его критико-биографического этюда «И. С. Тургенев» (СПб., 1875), писатель опять отметил только решающие события своей жизни и даже, работая в 1875 г. по просьбе М. М. Стасюлевича над автобиографией, не захотел выйти за рамки сообщенного им ранее.

Обилие материалов эпистолярного и мемуарного характера (в устных беседах Тургенев был более щедр) дает нам возможность сравнительно полно представить жизнь Тургенева на различных ее этапах, его общественные и личные связи и тем самым расширить и углубить восприятие творчества писателя.

Меньше всего сведений (прямых и косвенных) имеется о юности и молодости Тургенева, точнее о 1830-х годах. Сам Тургенев об этом времени сообщал обычно лишь следующее: в 1833 г. — поступил в Московский университет, в 1834 — перевелся в Петербургский, в 1837 — окончил его со степенью кандидата, в 1838 — уехал за границу для продолжения образования. Письма Тургенева 1830-х годов почти не сохранились, воспоминания, как правило, освещают более поздний период. Правда, известные нам письма современников Тургенева, некоторые мемуарные и архивные источники проясняют и эти, менее всего изученные, годы его жизни, но только в некоторой степени. А ведь это было время, когда происходило становление характера Тургенева, закладывались основы его образования, формировалось мировоззрение, устанавливались его общественные связи, создавались первые произведения. Естественно, что всякий новый документ, характеризующий этот период жизни Тургенева, чрезвычайно ценен.

Автобиографические заметки Тургенева («Мемориал») — своего рода «житейский» комментарий к литературным воспоминаниям Тургенева. В то же время в нем зафиксированы не только интимные события, но указаны возникающие и укрепляющиеся дружеские и общественные связи Тургенева, эпизоды из его начинающейся литературной жизни.

Публикуемый документ содержит некоторые неизвестные ранее факты, имена, даты, которые могут пополнить летопись жизни и творчества Тургенева. Крайний лаконизм записей «Мемориала» делает необходимой их расшифровку. Опытом такой расшифровки и является следующие ниже комментарии. Отдельные записи, оставшиеся без пояснений или прокомментированные предположительно, несомненно, привлекут в дальнейшем внимание биографов писателя.

1830—1831 гг.

Записи 1830 и 1831 гг. очень лаконичны. В них кратко упоминается о болезни С. Н. Тургенева и его поездке за границу. Сергей Николаевич выехал для лечения за границу в апреле 1830 г. («Московские ведомости», 1830, № 32, 19 апреля; там же указан адрес дома, где в это время жила семья Тургенева: Сретенская часть, 2-й квартал, собственный дом под № 233). Письма С. Н. Тургенева к сыновьям Николаю и Ивану из Эмса и Франкфурта свидетельствуют о большом интересе отца к их учебным занятиям (М. К. К л е м а н. Отец Тургенева в письмах к сыновьям. — «Тургеневский сборник». Под ред. А. Ф. Кони. Пб., 1921, стр. 131—143).

В этих же записях Тургенев отмечает свое пребывание у Вейденгаммера. О московском частном пансионе Вейденгаммера, в котором учились братья Тургеневы, никаких сведений не сохранилось, а о времени пребывания там Тургенева в биографической литературе о нем сообщаются разноречивые данные. М. К. Клеман в «Летописи», ссылаясь на статью Н. С. Тихонравова («И. С. Тургенев в Московском университете 1833—1834 гг.» — «Вестник Европы», 1894, № 2, стр. 710), указывает, что Тургенев был помещен в пансион Вейденгаммера в 1827 г. и пробыл там около двух лет. Эта дата вошла во все последующие биографические работы о Тургеневе. Однако еще в 1875 г. С. А. Венгеров в книге о жизни и творчестве Тургенева отнес его поступление в пансион Вейденгаммера к 1830 г. (С. А. Венгеров. Русская литература в ее современных представителях. Критико-биографические этюды. И. С. Тургенев. СПб., 1875, стр. 63). Сам писатель упомянул о пансионе Вейденгаммера в «Литературных и житейских воспоминаниях», рассказывая о знакомстве с романом М. Н. Загоскина «Юрий Милославский», которое стало «первым сильным литературным впечатлением» его жизни: «Я находился в пансионе некоего г. Вейденгаммера, когда появился знаменитый роман, учитель русского языка — он же и классный надзиратель — рассказал в часы рекреаций моим товарищам и мне его содержание» (X, 331).

В письме к С. Т. Аксакову от 22 января/3 февраля 1853 г. Тургенев более подробно писал об этом знакомстве: «...помнится, я находился в пансионе в Москве в <18>31-м году (мне был 12-й год) — и нам по вечерам надзиратель наш рассказывал содержание „Ю<рия> М<илославского>“». Вопреки этому свидетельству самого Тургенева, Тихонравов, а за ним и Клеман отнесли знакомство писателя с «Юрием Милославским» к 1829 г., когда Тургенев учился в Армянском пансионе. Это было сделано, видимо, на том основании, что «Юрий Милославский» вышел в свет в 1829 г. Но в апреле 1830 г. появилось второе издание романа (см. «Моск. ведомости», 1830, № 28, 5 апреля), которое могло вновь привлечь внимание читателей. Очевидно, именно это второе издание и имел в виду Тургенев в «Литературных и житейских воспоминаниях». На основании записи в «Мемориале» можно считать бесспорным, что в пансион Вейденгаммера Тургенев был определен в 1830 г., после того как родители взяли его из Армянского пансиона. Выйдя из пансиона Вейденгаммера летом 1831 г., Тургенев продолжал заниматься с домашними учителями. В прошении, поданном при поступлении в Московский университет, он написал, что прошел курс наук дома, не упоминая о пансионах, которые, видимо, не сыграли серьезной роли в его образовании.

1833

Летние месяцы 1833 года в «Мемориале» определены Тургеневым как «перепутье». В 1833 г. юный Тургенев выбирал свой путь в жизни. Осенью после вступительных экзаменов он был принят в Московский университет на словесный факультет. Готовясь к экзаменам, он жил летом с родителями на даче около Калужской заставы, против Нескучного сада, где пережил «быстро пролетевшую, утреннюю, весеннюю грозу» (VI, 340) — свое первое чувство, которое он позднее поэтически воспроизвел в повести «Первая любовь». В заметках под 1833 годом отмечены именно эти события. Слова «Первая любовь» написаны Тургеневым над фамилией «кн. Шаховская». Можно предположить, что княжна Шаховская и была той девушкой, которая пробудила чувство в душе Тургенева. Конкретных данных о княжне Шаховской найти не удалось; возможно, что это именно о ней писал Н. В. Станкевич 1 декабря 1833 г. Я. М. Неверову: «Добренькая девочка, не совсем дурна, — но также бредит гением, поэзией и т. п.» («Переписка Н. В. Станкевича». М., 1914, стр. 265). По воспоминаниям современников, Тургенев неоднократно указывал на автобиографический характер «Первой любви», своего любимого произведения; список лиц в парижском конспекте также красноречиво свидетельствует об их автобиографичности: «я мальчик: <...>, мой отец <...>, моя мать» (см. «Revue des Études slaves», 1925, v. I, p. 259—261). Запись «Мемориала» дает возможность назвать имя девушки, которая послужила прототипом Зинаиды Засекиной, героини повести.

1834

В записях 1834 г. Тургенев отметил как значительное событие своей жизни пребывание в Московском университете. Он прослушал здесь общеобразовательный курс, сдал переходные экзамены. Формирование мировоззрения Тургенева происходило в атмосфере начинающегося подъема передовой русской мысли. Его старшими товарищами по университету были Герцен, Огарев, Станкевич. Тургенев, видимо, не был с ними лично знаком или, во всяком случае, близок, их имена поэтому и не упоминаются в этой записи, которая констатирует только самый факт пребывания в университете. Несомненно, однако, что в период учения в Московском университете Тургенев испытывал влияние передовых идей времени. И, если верить рассказчику в повести «Пунин и Бабурин» (1874), образу во многом автобиографическому, то «со времени <...> поступления в университет» он «стал республиканцем» и горячо увлекался деятелями Французской революции (VIII, 214).

Как свидетельствуют письма отца Тургенева к старшему сыну Николаю, Тургенев в пору пребывания в Московском университете жил некоторое время у Краузе, видимо потому, что мать его уехала за границу лечиться, а отец повез в Петербург Николая Сергеевича в артиллерийское училище, «на службу», как он выражался и как написал в «Мемориале» Тургенев («Тургеневский сборник». Пб., 1921, стр. 136 и 143). Эти события также отражены в записи 1834 г. Краузе был известен Тургеневым и раньше. Он состоял инспектором пансиона Армянского института; в этом пансионе в 1829 г. некоторое время учился Тургенев вместе с братом. Кто такие Атбек и Курдюмов, пока не выяснено. Смысл слова «Армишка» не вполне ясен. Быть может, оно обозначает кличку собаки. В повести «Андрей Колосов» рассказчик вспоминает, что у него в студенческие годы была «кучая собака» Армишка, которая, несмотря на свою легавую породу, «до того боялась выстрела, что один вид ружья повергал ее в тоску неопisanную» (V, 9).

Смерть отца (30 октября 1834 г.), последовавшая вскоре после переезда семьи Тургеневых в Петербург, несомненно, была важным событием в жизни будущего писателя, возможно, обострившим его интерес к философско-этическим проблемам о смысле жизни, о назначении человека, о «потустороннем мире», — к вопросам, которые волновали и многих его сверстников, участников передовых студенческих кружков начала 1830-х годов. О том, что эти вопросы волновали Тургенева и он настойчиво о них думал, свидетельствует его первое литературное произведение — «Стéно», над которым он работал как раз в осенние месяцы 1834 г. Интересно отметить, что Тургенев, нигде не упоминая в публикуемых заметках о своих юношеских стихотворениях (позднейшее отрицательное отношение к ним со стороны автора известно), считал нужным вспомнить, правда, с некоторым колебанием (слово «Сочинение» зачеркнуто, затем восстановлено, название произведения подчеркнуто и даже поставлен восклицательный знак), свое первое юношеское произведение — романтическую драму «Стéно». Сохранилось несколько неизменно иронических упоминаний самого Тургенева о «Стéно». В «Литературных и житейских воспоминаниях» писатель рассказал о том, как он отнес рукопись своей драмы профессору русской словесности П. А. Плетневу и как Плетнев на университетской лекции разобрал «это совершенно нелепое произведение» (X, 263).

1835

Запись 1835 г. содержит не совсем ясное указание на «болезнь роста». Возможно, что за этим скрывается воспоминание о переломном времени в развитии юношеского сознания, о сложном процессе отказа от традиционных верований и взглядов и усвоения новых, более прогрессивных идей. Далее эта запись содержит немало памятных Тургеневу событий семейного характера. Так, он упоминает о возвращении Варвары Петровны из-за границы, об операции, сделанной ей известным доктором Грозовым, лечившим ее и в последующие годы, о жизни летом в Москве, на Девичьем поле, о поездках с дядей (Н. Н. Тургеневым) в деревню, видимо, в связи с начинающимся увлечением охотой. Указанные Тургеневым в этой записи фамилии могли бы дать новые сведения о среде, в которой он вращался в это время. К сожалению, большая часть их — это фамилии людей, нам пока неизвестных. Можно-

лишь предположить, что упоминаемая Тургеневым Карпова является той самой М. Карповой, с которой В. П. Тургенева переписывалась в середине 1840-х годов (письма В. П. Тургеневой хранятся в ИРЛИ). М. Карпова — это, по-видимому, Мария Михайловна, жена брата Веры Ивановны Кривцовой (матери декабриста), соседки Варвары Петровны по имению. С семьей Кривцовых Тургеневы были дружны, а С. Н. Тургенев приходился родственником мужу В. И. Кривцовой (М. О. Гершензон. Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914, стр. 235, 260—261).

Запись о театре подводит нас к фактам творческой биографии будущего писателя. Она отразила рано возникший интерес Тургенева к драматургии и театру. Им уже были задуманы, а потом частично осуществлены переводы шекспировских пьес «Отелло» и «Короля Лира», байроновского «Манфреда» (см. письмо Тургенева к А. В. Никитенко от 26 марта 1837 г.). Этот интерес, как известно, впоследствии упрочился и привел к созданию целого ряда комедий. Так же, как Белинский и Герцен, Тургенев был, видимо, в те годы частым посетителем театров (так, например, он присутствовал на первом представлении «Ревизора» в Александринском театре и на премьере оперы Глинки «Жизнь за царя»). Театральные впечатления, полученные в юности, через много лет отразились в повести «Несчастная», в описании постановки грибоедовского «Горя от ума», игры Щепкина и других артистов. В «Литературных и житейских воспоминаниях», рассказав о любви Белинского к театру, Тургенев посвятил несколько строк незабываемой игре Мочалова, которого он, конечно, не раз видел на сцене в пору своей молодости.

Сангинель — охотничья собака Тургенева.

1836—1837

1836 и 1837 гг. представлены в записях «Мемориала» несколькими фактами и именами, пополняющими наши знания биографии Тургенева и имеющими значение в его творческой судьбе.

Страстным увлечением Тургенева в течение всей жизни была, как известно, охота. Близость к природе, разнообразные встречи с людьми во время охотничьих скитаний обогащали запас впечатлений будущего писателя, давали ему богатый материал для художественных произведений. Записи 1836—1837 гг. пестрят упоминаниями об охоте, именами любимых собак (Наполь 1-й, Наполь 2-й, Самель), фамилиями спутников-товарищей. Здесь мы встречаем и имя знаменитого Афанасия, крепостного крестьянина соседнего помещика, позже выкупленного Тургеневым; он был прототипом Ермолая в «Записках охотника». Вместе с Афанасием летом 1837 г. Тургенев охотился в окрестностях деревеньки Гольяево, расположенной километрах в сорока от Спаского.

Одна из записей 1836 г. воскрешает мало известный в биографии Тургенева эпизод его молодости — дружбу с Михаилом Сергеевичем Фиглевым. Незадолго до смерти своего друга (18 ноября 1836 г.) Тургенев написал его юмористическую характеристику. Судя по этой характеристике, Тургенев впоследствии, работая над повестью «Несчастная», запечатлел некоторые черты характера и душевные качества Миши Фиглева в образе Мишеля Колтовского (ЛА, т. III, стр. 169—178). О Фиглеве у нас почти нет сведений. Сохранившиеся письма Тургенева к отцу умершего друга — Сергею Михайловичу Фиглеву не содержат конкретных данных о Мише Фиглеве; зато в них искренно и красноречиво выражены чувства братской дружбы и любви. Видимо, дружба с «незабвенным Мишей» была значительным событием юности Тургенева. «У меня всего было 2 друга, — писал он М. А. Бакунину 28 августа/9 сентября 1840 г., — и первого звали Michel. Он умер; мы с ним вместе росли, вместе дожили до 18 лет — и он умер».

В «Мемориале» Тургенев отметил и такое важное событие своей молодости, как окончание Петербургского университета. Материалы, извлеченные Ю. Г. Оксманом из архивного «Дела Совета имп. СПб. университета о годичных экзаменах студентов в 1836 г.», являются превосходным комментарием к лаконичной записи Тургенева: «Я не выдерживаю на кандидата. Действ<ительный> студ<ент>». Звание действительного студента по сравнению с кандидатом считалось ниже и свидетельствовало о весьма

скромных успехах выпускника. Словесное отделение философского факультета Тургенев окончил в 1836 г. действительным студентом, потому что по всеобщей и русской истории получил плохие отметки (Ю. Г. О к с м а н. И. С. Тургенев. Исследования и материалы, вып. 1. Одесса, 1921, стр. 101—108). Причина неуспеваемости Тургенева по этим дисциплинам заключалась, видимо, в неудовлетворительном характере преподавания. Рассказанный Н. М. Колмаковым, учившимся в те же годы в Петербургском университете, эпизод из студенческой жизни Тургенева очень красноречив в этом отношении. Профессор И. П. Шульгин поставил Тургеневу «неодобрительную отметку» на экзамене по курсу всеобщей истории, раздраженный тем, что студент, отвечая, сослался на не предусмотренный программой иностранный источник (Н. М. К о л м а к о в. Очерки и воспоминания.— «Русская старина», 1891, № 5, стр. 461—462).

Тургенев воспользовался тем, что по новому уставу курс обучения на философском факультете с 1837 г. становился четырехгодичным вместо трехгодичного. Прослушав вторично лекции третьего курса, он добился разрешения экзаменоваться повторно и на этот раз «выдержал на кандидата». Аттестат на степень кандидата Тургенев получил в июле, несмотря на то, что один из экзаменов был перенесен на осень по не зависящим от него обстоятельствам. Проведя лето в Спасском, он собирался к 5 сентября вернуться в Петербург, но незадолго до отъезда, упав с дрожжек, сломал руку (см. письмо Тургенева к А. В. Никитенко от 13 сентября 1837 г.). Это обстоятельство задержало его отъезд на несколько недель, и он вернулся в Петербург лишь к зиме.

Вероятно в связи с воспоминаниями о студенческих годах, в памяти Тургенева возник образ профессора А. А. Фишера, преподававшего студентам философские дисциплины, единственного представителя кафедры философии Петербургского университета, которому Тургенев впоследствии сдавал и магистерские экзамены.

Вследствие каких ассоциаций вспомнил Тургенев Дозе — немца, учителя воспитанницы и племянницы Варвары Петровны, жившего некоторое время в ее доме, сейчас установить трудно (см. о нем: В. К о л о н т а е в а. Воспоминания о селе Спасском.— «Исторический вестник», 1885, № 10, стр. 46).

Несколько фамилий, названных в записи 1836 г., характеризуют, видимо, круг знакомых семьи Тургеневых в Петербурге. Так, например, Хитровы — это жившая в столице дочь Веры Ивановны Кривцовой, Варвара, и ее муж Н. А. Хитрово, служивший в дворцовом ведомстве фуражмейстером (М. О. Г е р ш е н з о н. Декабрист Кривцов и его братья, стр. 258).

В записях 1836—1837 гг. Тургенев упоминает «Линевский дом», место жительства в эти годы семьи Тургеневых в Петербурге. Более точный адрес: Литейная часть, 3-го квартала, в доме Линева, под № 17 («СПб. ведомости», 1838, № 78, 12 апреля. Прибавление).

В Рыбацком, дачной местности под Петербургом, Тургеневы жили летом 1836 г.

1838

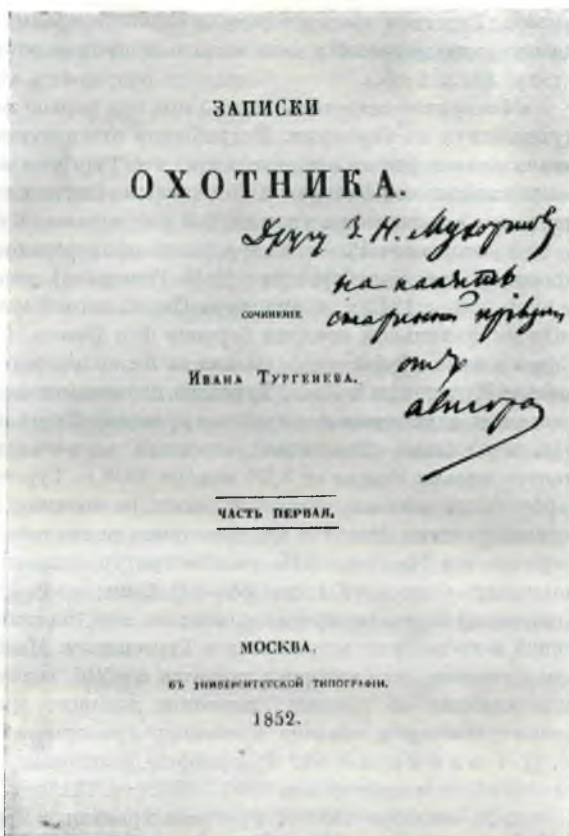
1838 год — знаменательный в жизни писателя. Он начинается с собой заграничные университетские годы Тургенева, до сих пор недостаточно изученные. Записи, сделанные Тургеневым в «Мемориале» за это время (1838—1841), наряду с фактами, известными нам из других источников, содержат и некоторые новые, бесспорно представляющие интерес для биографии писателя, характеризующие его живой облик.

15/27 мая 1838 г. Тургенев в первый раз выехал за границу, по его словам «отправился доучиваться в Берлин» (X, 260). Путешествие чуть было не закончилось трагически. Пароход «Николай I» загорелся в ночь на 19 мая недалеко от Травемюндского рейда. Это событие оставило заметный и неприятный след в жизни Тургенева. Недруги писателя неоднократно распространяли слухи о его недостаточном мужественном поведении во время пожара. Незадолго до смерти Тургенев, стремясь оправдать себя хотя бы в глазах потомков, продиктовал очерк «Пожар на море», рассказав «историю своего горения» на пароходе «Николай I» (X, 580—588).

Явно в связи с этим событием в «Мемориале» записано имя Элеоноры Тютчевой. Сам Тургенев подтвердил, таким образом, предположение исследователей о том, что его спутница «г-жа Т...», очень хорошенькая и милая, но связанная своими четырьмя

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
ТУРГЕНЕВА НА ПЕРВОМ
ИЗДАНИИ
«ЗАПИСОК ОХОТНИКА»
(М., 1852):

«Другу Э. Н. Мухортову на память
старинной приятни от автора»
Литературный музей, Москва

дочками» («Пожар на море» — X, 587), действительно была Э. Ф. Тютчева, первая жена поэта, возвращавшаяся из Петербурга в Мюнхен на том же пароходе.

В первую поездку за границу юного Тургенева сопровождал в качестве его дядьки Порфирий Тимофеевич Кудряшов, крепостной Варвары Петровны, служивший в ее доме фельдшером. Порфирий был для Тургенева не только слугой, но одновременно и товарищем по развлечениям и даже по учению, так как тоже слушал лекции (медицинские). Много воспоминаний, порой курьезных, осталось у Тургенева об их совместной жизни в Германии (Воспоминания Тургенева в записи Л. Н. Майкова. — Соч. 1930, т. XI, стр. 602—603; А н н е н к о в, 1960, стр. 380). Неудивительно, что имя Порфирия было записано Тургеневым и в «Мемориале» среди имен друзей и знакомых.

Летние месяцы 1838 г. почти не оставили следа ни в творчестве Тургенева, ни в его переписке, ни в материалах о нем. Лишь бывшие в то время за границей Н. В. Станкевич (письмо к родным от 18/30 июня. — «Переписка Станкевича». М., 1914, стр. 64) и Я. М. Неверов (неизданное письмо к Т. Н. Грановскому от 2 июля) упомянули о кратком пребывании Тургенева в Эмсе в конце июня этого года. Приводим из последнего письма отрывок, относящийся к Тургеневу: «Несколько дней тому назад, прогуливаясь на гулянье, я встретился с одним молодым человеком, впрочем мне все незнакомым, который, увидавши меня, тотчас подошел ко мне и начал говорить по-русски, называя меня по имени. Один из первых его вопросов был о тебе — это Тургенев, бывший с тобою в одно время в Петербургском университете, очень милый и умный малый. Он приехал с несчастным пароходом „Николаем“ и вместе с другими едва только спас себя самого, потеряв все свои вещи. Тургенев пробыл здесь не более суток и познакомил меня с Розеном, гвардейским офицером, сыном генерала, командовавшего в Грузии, — с ним мы часто видимся, простой, но очень добрый

малый. Тургенев проведет зиму в Берлине, где ему хочется поучиться, — поздравляю, кажется ты найдешь в нем милого и приятного товарища» (ЛБ, ф. 178, № 5180, ед. хр. 10, л. 1 об.).

«Мемориал» свидетельствует о том, что первое лето за границей Тургенев провел, путешествуя по Германии. Подробности этого путешествия нам неизвестны. На основании записи можно предположить, что Тургенев в это время общался со своими новыми знакомыми: Розеном и Демидовым. Сведения об этих лицах очень скудны. Отчасти они содержатся в упомянутых уже письмах Станкевича и Неверова. Барон Дмитрий Григорьевич Розен, гвардейский офицер (в будущем полковник, адъютант московского генерал-губернатора Д. В. Голицына), сын Г. В. Розена, участника Отечественной войны 1812 г., командира Отдельного Кавказского корпуса в 1831—1837 гг. («Очерк фамильной истории баронов фон Розен». СПб., 1876, стр. 61—62). Дмитрий Розен вместе с Тургеневым выехал из Петербурга на пароходе «Николай I». Встретившись с Неверовым в Эмсе, Тургенев познакомил его с Розеном. Неверов и Станкевич оказались единодушными в оценке приятеля Тургенева, признав его «премилым и простым малым» (Станкевич), «простым, но очень добрым малым» (Неверов). Сохранилось письмо Розена от 8/20 ноября 1838 г. Тургеневу в Берлин. Явно тяготясь петербургской жизнью, теми «парадами, разводами», в которых он вынужден был принимать участие, Розен с удовольствием вспоминает об их совместном пребывании в Берлине и в Мюнхене («Посев. Литературно-критический и научно-художественный альманах». Одесса, 1921, стр. 88—89). В письме Розен упоминает их общего знакомого, «доброе Демидова», просит кланяться ему; видимо, Демидов еще находился за границей и продолжал встречаться с Тургеневым. Можно предположить, что речь идет о том Демидове, имя которого значится в «СПб. ведомостях» от 19 апреля 1838 г. среди отъезжающих за границу: адъютант военного министра, лейб-гвардии гусарского полка ротмистр и кавалер Александр Григорьевич Демидов, 1802—1853 (см. о нем: К. Д. Г о л о в щ и к о в. Род дворян Демидовых. Ярославль, 1881, стр. 250; «Столетие военного министерства. 1802—1902», т. III, отд. 5. СПб., 1909, стр. 516).

12/24 сентября 1838 г. Тургенев приехал в Берлин. Одновременно с ним лекции в Берлинском университете слушали Н. В. Станкевич, Т. Н. Грановский, Я. М. Неверов, Н. Г. Фролов, сблизившиеся в тесный, дружественный кружок с зимы прошлого года. Грановского Тургенев знал еще по Петербургскому университету, с Неверовым он познакомился в Эмсе, Станкевича, возможно, видел раньше, но лично познакомился с ним через Грановского и Неверова в Берлине. Фраза Станкевича в письме к родным из Эмса: «проездом был здесь Тургенев, которого я узнал в Москве в университете» («Переписка Станкевича», стр. 64) вовсе не опровергает утверждения самого Тургенева: «Меня познакомил с Станкевичем в Берлине Грановский в 1838 году, в конце. До того времени я слышал о нем мало — помню я, что когда Грановский упомянул о приезде Станкевича в Берлин, я спросил его—не „виршеплет“ ли это Станкевич,— и Грановский, смеясь, представил мне его под именем „виршеплета“» (XI, 229). Они могли знать друг друга по университету, но познакомиться лично в Берлине.

Тургенев был значительно моложе своих соотечественников, но по духовным интересам близок им. С ними Тургенев встречался чаще всего у Фроловых. Н. Г. Фролов тоже слушал лекции в Берлинском университете, интересуясь философией и естественными науками (впоследствии он — автор ряда трудов по естествознанию, переводчик «Космоса» А. Гумбольдта). Его жена Елизавета Павловна была, в сущности, тем притягательным центром, вокруг которого группировалась русская молодежь. Много лет спустя, вспоминая о ней, Тургенев называл ее «женщиной очень замечательной», «почти гениальной», с «тонким женским умом», «наблюдательностью», «пониманием людей» (XI, 230; Н. А. О с т р о в с к а я. Воспоминания о Тургеневе.— «Тургеневский сборник». <Пг., 1915>, стр. 90). У Фроловых собирались друзья, проводя вечера в оживленных беседах, страстных спорах о философии, искусстве, театре. Здесь же бывал и Карл Вердер, в то время молодой, но уже известный профессор философии Берлинского университета, друг Станкевича и Грановского. Под его руководством Тургенев «с особенным рвением изучал Гегеля» (X, 260).

Несмотря на то, что особой близости у Тургенева с членами русского кружка в Берлине не было, встречи именно с этими людьми остались в памяти писателя как наиболее знаменательные события его жизни того времени.

1839

Запись 1839 г. интересна тем, что вносит в тургеневскую биографию новую дату. М. К. Клеман в «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева», устанавливая время возвращения Тургенева в Россию из первой заграничной поездки и ссылаясь без достаточного основания на пометки в черновой рукописи «Дневника лишнего человека», указал: «Конец лета и осень» («Летопись», стр. 25). Как свидетельствует «Мемориал», Тургенев на самом деле уехал из Берлина весной и прибыл в Петербург 14 мая.

В это же время его старший брат Николай Сергеевич сблизился с Анной Яковлевной Шварц (на ней он впоследствии и женился), жившей в доме Варвары Петровны в качестве компаньонки. Это событие положило начало недоразумениям, а затем и ссоре братьев с матерью (В. Н. Ж и т о в а. Воспоминания о семье И. С. Тургенева. Тула, 1961, стр. 35, 54—55).

Лето и осень 1839 г. Тургенев провел в Спасском, увлекаясь охотой. Телегино, упоминаемое в записи, — это деревенька, примерно в 30 километрах от Спасского. «Телегинские болота» нередко посещались Тургеньевым и впоследствии в его охотничьих скитаниях (см. «Реформатор и русский немец», стр. 27 наст. тома).

К зиме Тургенев приехал в Петербург в связи с предстоящей новой поездкой за границу.

1840

«Как для меня значителен 40-й год! Как много я пережил в 9 месяцев!» — писал Тургенев М. А. Бакунину и А. П. Ефремову 27 августа/8 сентября 1840 г.

Запись 1840 г. в «Мемориале» не рассказывает о переживаниях Тургенева. Но в ней запечатлены события и встречи, которые вызвали эти переживания. Полнее и эмоциональнее они выражены в некоторых сохранившихся письмах Тургенева 1840 г. и в «Записке о Н. В. Станкевиче».

Вместе с дипломатом П. И. Кривцовым, получившим назначение в Рим, Тургенев в середине января выехал в Италию, где провел несколько месяцев. В Риме он посещал русское семейство Ховриных. Мария Дмитриевна Ховрина, пензенская помещица, имела, по словам Анненкова, «славу женщины большого света, охотно отворявшей двери своей гостиной для замечательных людей времени, какой бы репутацией они ни пользовались» (П. В. А н н е н к о в. Литературные воспоминания. СПб., 1909, стр. 118). С ней был муж, полковник Н. Ховрин, и дети. Судя по отзывам Станкевича, Ховрин был неинтересным и недалеким человеком. Об его умственной ограниченности и душевной черствости Станкевич не раз писал Фроловым («Переписка Станкевича», стр. 692, 703, 704).

У Ховриных Тургенев вновь встретился со Станкевичем. Дружба со Станкевичем сыграла большую роль в углублении интереса Тургенева к философии, к вопросам этики. Кроме того, по собственному признанию Тургенева, общение со Станкевичем возбуждало в нем желание быть проще, естественнее, искреннее. Станкевич в письмах к Фроловым, доброжелательно характеризуя Тургенева, рассказал немало эпизодов из их жизни. В этих письмах не раз упоминаются: Шушу — старшая дочь М. Д. Ховриной, Александра Николаевна (в замужестве Вахметьева), «доброе и милое существо», по определению Станкевича, и Алексей Тарасович Марков, русский художник, живший тогда в Риме («Переписка Станкевича», стр. 684—713). Эти имена названы и Тургеньевым в «Мемориале», подробнее о них он писал, вспоминая прошлое, в «Записке о Н. В. Станкевиче». Александра Николаевна была, видимо, незаурядной девушкой. Станкевич, Марков, Тургенев относились к ней с нежностью и уважением. «Марков вздыхал тоже по Шушу, к которой, грешный человек, и я не был совершенно равнодушен», — вспоминал Тургенев (XI, 235). См. также стихи, посвященные ей Тургеньевым в его письме к Станкевичу от 26 апреля/8 мая 1840 г.

Среди людей, близких Станкевичу, с которыми Тургенев общался в Риме, он запомнил и назвал в «Мемориале» поляка Брингинского (ошибочно записав его фамилию как Брыкчинский; так же он был назван Тургеньевым и в «Записке о Н. В. Станкевиче»), «друга Листа», «отличного пианиста», умиравшего в Италии от чахотки (сохранилось письмо Станкевича к Брингинскому с рекомендацией Тургеньева. — «Переписка Станкевича», стр. 727). Здесь же назван и А. П. Ефремов, приятель Станкевича и Грановского, впоследствии преподававший «всеобщую географию» в Московском университете с 1844 по 1847 г. (см. Д. Н. Анучин. География в Московском университете за первое столетие его существования. — «Землеведение», 1917, кн. 3-4, стр. 23—46).

Вместе с Ефремовым Тургенев 12/24 апреля выехал из Рима в Неаполь. Впечатления от Неаполя вскоре нашли свое отражение в поэме «Параша», а позже в повести «Переписка». Дружба с Ефремовым закрепилась зимой совместными занятиями в Берлинском университете. Сохранилось несколько писем из переписки Тургеньева с Ефремовым, показывающих приятельский характер их отношений (три письма Тургеньева к Ефремову 1840 г. и три письма Ефремова к Тургеньеву. — ПСП, стр. 3, и «Русская мысль», 1915, № 12, стр. 115—120).

Ефремов известил Тургеньева о смерти Станкевича, умершего в ночь с 24 на 25 июня. Во взволнованном письме к Грановскому от 4/16 июля, сообщая о смерти друга, Тургенев подчеркнул то огромное значение, какое имела для него дружба со Станкевичем. На заглавном листе своего экземпляра «Энциклопедии» Гегеля (G. W. F. Hegel. 1830. — Книга хранится в Государственном музее И. С. Тургеньева в Орле) Тургеньев записал: «N. Stankewitsch ist am 24-ten Juni 1840 gestorben. Ich bin mit M. Bakunin am 25 Juli bekannt geworden» («Н. Станкевич умер 24 июня 1840. Я познакомился с М. Бакуниным 25 июля»). Определяя важность этих событий, Тургенев так прокомментировал их в письме к Бакунину от 28 августа/9 сентября 1840 г.: «Изо всей моей прежней жизни я не хочу вынести других воспоминаний».

Отношения Тургеньева и Бакунина в годы учения их в Берлинском университете подробно охарактеризованы в книге А. А. Корнилова «Годы странствий Михаила Бакунина». Л.—М., 1925. Письма Тургеньева и Бакунина, напечатанные там же, проясняют и дополняют лаконичные строки тургеньевского «Мемориала», рассказывающие о 1840 году. «Mittelstrasse, 60», видимо, это и есть адрес общей квартиры Тургеньева и Бакунина в Берлине. «Житье» в ней, неоднократно описанное в письмах Бакунина, сложилось почти так, как мечтал об этом Тургеньев еще в Мариенбаде, где он пробыл конец августа — начало сентября 1840 г.: «Нам надо будет работать, усердно работать в течение зимы, — писал он Бакунину 28 августа/9 сентября. — Я надеюсь, мы проведем ее прекрасно. Университет, занятия, — а вечером будем сходиться у твоей сестры, ходить слушать хорошую музыку составим чтения; Вердер будет к нам приходить». Тургеньев в этом письме писал о тех, кого вспомнил и в «Мемориале». Сестра Бакунина — В. А. Дьякова. После смерти близкого ей Станкевича, она зиму 1840/1841 г. провела в Берлине. О хороших отношениях, установившихся у нее с Тургеньевым, свидетельствуют не только ее письма к родным, но и хранившийся в Премухинском архиве его подарок к новому, 1841 г.: переписанные им для нее новые стихи Лермонтова (К о р н и л о в, стр. 74). Вскоре, однако, отношение Тургеньева к ней изменилось, как изменилось оно и у всех друзей, в связи с возвращением В. А. Дьяковой к мужу (см. Б е л и н с к и й, т. XII, стр. 150, 517).

Запись 1840 г. в некоторой степени отражает философские интересы молодого Тургеньева. Видимо, наряду с изучением Гегеля, Шеллинга, Тургеньев читал в это время и Канта. Его имя упомянуто в статье Тургеньева о «Фаусте», в переводе М. П. Вронченко, написанной в 1845 г.: «Последним словом всего земного для Гете (так же как и для Канта и Фихте) было человеческое я...» (Тург АН. Сочинения, т. I, стр. 224). Возможно, что уже в 1840 г. философия Канта не удовлетворяла Тургеньева; в это время он с интересом изучал философию Гегеля и даже увлекался ею, занимаясь у Вердера и находясь в атмосфере философских дискуссий сначала в кругу Станкевича, а затем

Бакунина. В дальнейшем, как известно, Тургенев уже с материалистических позиций оценил философию Гегеля (см., например, его «Письмо из Берлина», от 1 марта 1847 г. — Тург АН. Сочинения, т. I, стр. 315).

Из своих новых берлинских знакомых Тургенев в «Мемориале» упомянул Брюгемана и Мюллера (которого он называл Миллер); с Мюллером он встречался и впоследствии. Некоторые сведения о них имеются в письме Бакунина к родным от 20 января—4 февраля 1842 г.: «... у меня здесь есть маленький круг знакомых, которых я вижу всякий день. После отъезда Фролова, с которым я очень сблизился, он состоит преимущественно из немцев, с которыми мы часто по вечерам читаем Шекспира. Тургенев хорошо знает их — это Мюллер, Брюгеман и Менцер» (К о р н и л о в, стр. 109—110). Имя Мюллера неоднократно встречается в письмах Тургенева к Полине Виардо 1848 г. Герман *Мюллер-Штрюбинг* был ученым, филологом, приятелем Герцена и его друзей. В «Былом и думая» Герцен вспоминал о встречах с ним в Берлине, Париже и Лондоне (Герцен АН, т. XI, стр. 168—177).

Интересно упоминание в записи 1840 г. имени Почеки. Тургеневу была хорошо известна трагическая история Эмилии Гебель, погибшей в 1833 г., и та роль, которую в этой истории сыграл Я. И. Почека — студент Московского университета, приятель Станкевича. Через много лет, увлеченный «далеким юношеским воспоминанием» (см. письмо к Л. Фридлиндеру — «Вестник Европы», 1909, № 4, стр. 653), Тургенев рассказал о нем в повести «Несчастная» (1869). Неизвестно, знал ли Тургенев Почеку лично в 1833 г. (рассказчик повести близко знаком и даже дружен с Фустовым, художественным портретом Почеки). Упоминание имени Почеки в «Мемориале» говорит о встрече с ним в 1840 г., видимо, в Мариенбаде. По характеристике Анненкова, Почека был «добродушнейший молодой человек, с некоторым оттенком неподдельной малороссийской наивности, с склонностью к чувствительности и ленивому созерцанию жизни, какое часто встречается у его земляков. Он не кончил университетского курса и постоянно возбуждал участие Станкевича, который поддерживал в нем искры умственной энергии до тех пор, пока товарищ совсем не пропал у него из вида» (А н н е н к о в. Литературные воспоминания, 1909, стр. 389—390). О Почеке и Гебель рассказывают в письмах Станкевич, Герцен, Огарев («Переписка Станкевича», стр. 245—248; «Голос минувшего», 1919, № 1-4, стр. 65—67; см. также «Лит. наследство», т. 56, 1950, стр. 432—433).

О «страшной болезни в Дрездене» Тургенева — см. переписку его с А. П. Ефремовым (Тург АН. Письма, т. I, стр. 201, 208, 209, 210; «Русская мысль», 1915, № 12, стр. 115—120). Упомянутый в связи с записью о болезни Hedenus — дрезденский врач, советами которого Тургенев пользовался и позднее. 18/30 апреля 1857 г. он писал из Парижа Д. Я. и Е. Я. Колбасиным: «...поеду в Дрезден посоветоваться со старинным моим приятелем, д-ром Геденусом, и что он мне прикажет, то я и исполню, т. е. буду брать воды в Германии, там, где он мне скажет».

1841

События, отмеченные в записи 1841 г., в значительной части касаются взаимоотношений Тургенева с Михаилом Бакуниным, его сестрой Татьяной и их друзьями Беерами.

Весной 1841 г. Тургенев закончил занятия в Берлинском университете. Студенты отметили прощальной серенадой (Ständchen) окончание лекций профессора Вердера. Она осталась в памяти Тургенева и даже упомянута в «Мемориале». «Помните ли восторженные описания лекций Вердера, ночной серенады под его окнами, его речей, студенческих слез и криков?» — писал Тургенев в 1847 г. (Тург АН. Сочинения, т. I, стр. 314). Вспоминая памятные события 1841 г. и совместную жизнь в Берлине, Бакунин просил сестру Татьяну напомнить Тургеневу «окончание лекций Вердера, Ständchen, последнюю лекцию, — знакомство с Беттиною, — скажи ему, что это время уже никогда не возвратится» (К о р н и л о в, стр. 79—80).

Беттина — Елизавета фон Арним, немецкая писательница, прославившаяся своей дружбой с Гете и перепиской с ним. О встречах с Беттиной говорил Тургенев в «Записке

о Н. В. Станкевиче», ее имя названо им и в «Мемориале». О знакомстве Тургенева с Беттиной свидетельствует также письмо Бакунина к сестре от 20 января—4 февраля 1842 г. Сообщая о посещении Беттины, он добавляет: «Она расспрашивала о Тургеневе и велела ему сказать, что если он напишет к ней, то она будет отвечать ему» (там же, стр. 110—111). В годы ученья в Берлинском университете Тургенев был горячим поклонником Беттины. В «Письме из Берлина» 1847 г. Тургенев вспоминал о том, как «в сороковом году с волнением ожидали Шеллинга, пикали с ожесточением на первой лекции Штала, воодушевлялись при одном имени Вердера, воспламенялись от Беттины...» (Тург. АН. Сочинения, т. I, стр. 314). В библиотеке Тургенева сохранился один том немецкого издания 1837 г. «Дневника» Беттины фон Арним, купленный им в Берлине в 1840 г. Сохранился и незаконченный черновик письма Тургенева к Беттине, приблизительно датированный зимой 1840/1841 г.

Провожая Тургенева в Россию, Бакунин писал 3/15 мая 1841 г. родным: «Тургенев оставляет нас и возвращается в Россию. Он едет отсюда в понедельник, 17-го числа, и через две с половиной недели будет у вас в Премухине» (К о р н и л о в, стр. 73). Казалось бы, словам Бакунина вполне соответствует запись в тургеневском «Мемориале»: «Отъезд весной через Любек. — Еду в деревню. На дороге заезжаю к Бакуниным. — Татьяна». На самом же деле Тургенев, вернувшись в Петербург 21 мая/2 июня, побывал у Бакуниных лишь в октябре. Весной из Москвы он уехал с матерью на лето в Спасское. В Премухино Тургенев приехал примерно 10/22 октября и пробыл там неделю, до 16/28 октября (К о р н и л о в, стр. 75).

Дружески сблизившись со всеми Бакуниными, Тургенев увлекся Татьяной, любимой сестрой Михаила Бакунина. Сложные перипетии «философского» романа Тургенева и Татьяны восстановлены по их письмам и описаны в уже не раз названной нами книге А. А. Корнилова, в статьях Л. В. Крестовой «Татьяна Бакунина и Тургенев» («Тургенев и его время». М.—Пг., 1923, стр. 31—50) и Н. Л. Бродского «Премухинский роман в жизни и творчестве Тургенева» («И. С. Тургенев». Изд. Центрархива. М.—Пг., 1923, стр. 107—121).

Поселившись на зиму в Москве, Тургенев оказался в центре дружеского кружка, состоявшего из братьев и сестер Бакуниных и Бееров. Наталья и Александра Бееры и их братья Алексей и Константин были соседями Бакуниных по имению, находились с ними в близких приятельских отношениях, дружили со Станкевичем и членами его кружка.

Еще летом в Спасском Тургеневу «приглянулась, а затем и полюбилась» девушка «белошвейка», жившая «по вольному найму» в доме его матери, Евдокия Ермолаевна Иванова «или, как обыкновенно называли ее, Авдотья Ермолаевна» (см. Ф. Б—н <Ф. И. Бизюкин>. Из воспоминаний о селе Спасском-Лутовинове.— «Русский вестник», 1885, № 1, стр. 355). В мае 1842 г. она стала матерью дочери Тургенева Полины, воспитанной затем в семье Виардо.

1842

Запись 1842 г.—одна из самых подробных в автобиографических заметках. Большое количество имен, содержащихся в ней, свидетельствует о широком круге знакомых молодого Тургенева, об укреплении его общественных и литературных связей.

Зимой 1841/1842 г. Тургенев нередко появлялся в московском обществе. Запись «Мемориала» говорит о том, что он бывал у М. Д. Ховриной, у Елагиной. А. П. Елагина, племянница Жуковского и мать И. В. и П. В. Киреевских, имела в Москве литературный салон, который посещали многие выдающиеся люди того времени. У Елагиной он два раза видел Гоголя (X, 315). Дом Елагиных был в Москве одним из основных центров сосредоточения славянофильских интересов. Но в нем бывали и люди противоположных убеждений. Любопытную характеристику положения, которое занял в этом обществе Тургенев, дал Анненков в «Литературных воспоминаниях»: «Никто не испытал на себе полнее и болезненнее действие этой перестрелки между двумя центрами нашего развития, как И. С. Тургенев, очутившийся в среде их, когда явился из-за границы, выступив вскоре потом и на литературное поприще с поэмой „Параша“ (1843 г.). Заподозрив в нем с первых же шагов истого западника, партия,

недружелюбно смотревшая на образцы чужого воспитания и развития, словно задалась мыслью собрать как можно более помех на его жизненном пути. Целая коллекция пустых анекдотов о его словах, выражениях, замечаниях собиралась тщательно противниками и пускалась в ход с нужными прикрасами и дополнениями» (А н н е н к о в, 1960, стр. 240—241).

Из московских встреч в памяти Тургенева, как свидетельствует «Мемориал», запечатлелись встречи с К. С. Аксаковым, работавшим тогда над магистерской диссертацией о Ломоносове, и Ю. Ф. Самариним, впоследствии видным ученым и публицистом славянофильского направления. О знакомстве Тургенева с Самариним в 1842 г. свидетельствует и письмо последнего к А. Н. Попову (Н. П. Б а р с у к о в. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 6. М., 1892, стр. 292). Как известно, Тургенев вскоре же активно поддержал Белинского в борьбе с славянофильскими теориями. В поэме «Помещик» (1846) Тургенев набросал памфлетный портрет Константина Аксакова, одного из наиболее значительных теоретиков и защитников славянофильства.

Записью «Я лев» Тургенев отметил, по-видимому, пережитое им в эту пору увлечение — подражание «львам» (так в конце 1830-х — начале 1840-х годов называли модных франтов, носивших маску демонической загадочности). Любопытные зарисовки разных видоизменений этого бытового типа дал В. А. Соллогуб (повесть «Лев», 1841; см. также роман И. И. Панаева «Львы в провинции», 1852). Характеризуя молодого Тургенева, Анненков отмечал присущее ему стремление к «произведению *литературного эффекта* и достижению репутации *оригинальности*» (А н н е н к о в, 1960, стр. 382).

Вернувшись из-за границы, Тургенев, как он сам рассказывал много лет спустя, «намеревался избрать ученую карьеру», собиравшись стать профессором философии (Н. А. О с т р о в с к а я. Воспоминания о Тургеневе.— «Тургеневский сборник», <1915>, стр. 97). С этой целью он начал хлопотать о магистерском экзамене. Попытка сдать экзамены в Московском университете потерпела неудачу. Тургенев получил, как пишет он в «Мемориале», «отказ» Давыдова. Профессор И. И. Давыдов был деканом первого отделения философского факультета (отделения словесных наук). Мотивируя тем, что кафедра философии в Московском университете в течение пятнадцати лет оставалась незащенной, Давыдов выразил сомнение «на счет возможности допустить просителя к испытанию» (Н. М. Г у т ь я р. Иван Сергеевич Тургенев. Юрьев, 1907, стр. 56—58). Запись «Мемориала» подтверждает воспоминания Ф. И. Буслаева о посещении Тургеневым графа С. Г. Строганова, бывшего в 1835—1847 гг. попечителем Московского учебного округа. В разговоре со Строгановым Тургенев убедился, что кафедры философии в Московском университете ему не получить (Н. М. Г у т ь я р, стр. 58). Видимо поэтому он не стал настаивать на магистерских экзаменах при Московском университете и уехал 26 марта держать их в Петербург. Названный рядом со Строгановым Погорельский — Платон Николаевич Погорельский, преподаватель математики, у которого Тургенев занимался во время подготовки в университет. О нем Тургенев с благодарностью вспоминает в «Автобиографии» (XI, 418). В Петербургском университете испытания на степень магистра философии прошли успешно (1—5 мая). По греческой словесности и философии ответы Тургенева были признаны «очень хорошими», по латинской словесности — «хорошими». Названные Тургеневым в «Мемориале» Ф. Б. Грефе и А. А. Фишер — профессора Петербургского университета, принимавшие у него экзамены (Н. М. Л и с о в с к и й. Новые материалы для биографии И. С. Тургенева. СПб., 1892).

Магистерские экзамены были сданы, но диссертации, как признавался впоследствии сам Тургенев Н. А. Островской, он так и не написал, отдавшись вскоре полностью литературной деятельности.

14/26 мая Тургенев выехал из Петербурга в деревню, там увлекся охотой, посещал Бееров, имение которых Шашкино было расположено недалеко от Спасского. В июне в Шашкине Тургенев виделся с Татьяной Бакуниной, гостившей у Бееров; роман с ней уже шел к развязке.

Упомянутое Тургеневым Петровское — небольшая деревенька В. П. Турге-

невой, расположенная недалеко от Спасского. Она была впоследствии описана в «Отцах и детях». Комарево — деревня, в окрестностях которой Тургенев охотился.

Поездка в Мариенбад, Дрезден, Берлин заняла конец лета и осенние месяцы 1842 г. Вопреки высказанному М. К. Клеманом и поддержанному Н. К. Пиксановым мнению («Летопись», стр. 9 и 32), «Мемориал» свидетельствует о том, что Тургенев был в 1842 г. не только в Дрездене и Берлине, но и в Мариенбаде, как в свое время правильно указал в «Хронологической канве для биографии И. С. Тургенева» Н. М. Гутляр. Поездка в Мариенбад отмечена также и в хронологической канве, набросанной на полях черного автографа «Дневник лишнего человека» (см. выше, стр. 340).

М. А. Бакунин в середине ноября писал в Берлин Тургеневу и брату Павлу, возвращавшимся вместе в Россию: «Ну, а вы что делаете? Что такое сделал Мюллер, что делает Гервег, что Вердер, Ефремыч, — помнит ли меня еще Гервег?» (К о р н и л о в, стр. 202). Здесь названы лица, с которыми Тургенев общался в Берлине. Некоторые из них упомянуты в «Мемориале». Вероятно, в Берлине в 1842 г. состоялось знакомство Тургенева с Георгом Гервегом, немецким поэтом и революционером (о дальнейших их встречах — см. ниже в комментариях к записи 1848 г.).

Возвратившись в Петербург в декабре, Тургенев познакомился с Елизаветой Петровной Языковой, женой П. М. Языкова, брата поэта, сестрой декабриста В. П. Ивашева. Тургенев явился к ней по рекомендации Бакунина, близким другом которого она была в это время. О встречах с Языковой Тургенев писал Павлу Бакунину 16/28 декабря: «...был уже два раза у Л. П. Языковой — которую я, кажется, очень и очень полюблю». Нелегальная поездка в Сибирь к сосланному брату, свидание с Герценом за границей, поддержка Бакунина в период его активной революционной деятельности, — все это характеризует Языкову как человека передовых убеждений.

1843—1846

Три важных события произошли в жизни Тургенева в 1843 г.: издание поэмы «Параша», знакомство с Белинским и встреча с Полиной Виардо. Эти события, как известно, сыграли определяющую роль в судьбе Тургенева — писателя и человека. Неудивительно, что они и были зафиксированы Тургеневым в автобиографических заметках. Записи следующих 1844—1846 гг. говорят о создании молодым писателем новых произведений, о дальнейшем сближении его с Белинским, о взаимоотношениях с Виардо.

Первая поэма Тургенева «Параша» вышла отдельной книжкой во второй половине апреля 1843 г. Этот год Тургенев считал началом своего писательского пути. Издание «Параша» способствовало сближению Тургенева с Белинским. Еще до личного знакомства с критиком, Тургенев находился под влиянием его идей. Со статьями Белинского он познакомился в 1835—1836 гг. Представления о Белинском были оживлены затем рассказами о нем Станкевича и Бакунина. С 1840 г. Тургенев уже мечтал о знакомстве с ним. Встреча состоялась при посредничестве их общего знакомого П. В. Зиновьева (его Тургенев тоже вспомнил в «Мемориале») в конце 1842 г. (XI, 236; Б е л и н с к и й, т. XII, стр. 139, 519. — О Зиновьеве — см. выше, стр. 35—36). «После первого моего посещения Белинского, я виделся с ним несколько раз в продолжении зимы, — вспоминал Тургенев (XI, 238). В «Литературных и житейских воспоминаниях» Тургенев рассказал о том, как перед отъездом в Спасское в апреле 1843 г. он занес Белинскому экземпляр «Параша» и затем, в деревне, с волнением и радостью прочитал статью критика о поэме, опубликованную в майской книжке «Отечественных записок» (X, 276).

Вернувшись из деревни, Тургенев провел лето под Петербургом на даче в Павловске. Названная Тургеневым А. Я. Панаева в своих воспоминаниях рассказала о встрече и знакомстве с Тургеневым летом в Павловске (ошибочно определив год знакомства 1842 вместо 1843. — А. П а н а е в а. Воспоминания. 1829—1870. 4-е испр. изд. М.—Л., 1933, стр. 147).

В «Мемориале» Тургенев упомянул и о своей неудачной служебной деятельности. В январе 1843 г. он поступил на службу в канцелярию Министерства внутренних дел под начальство В. И. Даля, известного писателя и этнографа, составителя «Толкового

ПАРИЖ. ОБЩИЙ ВИД
Цветная литография Ф. Бенуа

Из альбома «Promenade dans Paris et ses environs par J. Jacottet et Ph. Benoist». Paris, s. a.

словаря живого великорусского языка» (см. об этом периоде жизни писателя статью Ю. Г. Оксмана «И. С. Тургенев на службе в Министерстве внутренних дел». — «Ученые записки Саратовского гос. ун-та», т. LVI, 1957, стр. 172—183). В «Автобиографии», написанной в 1875 г., Тургенев признавался, что служил он «очень плохо и несправно» и вскоре вышел в отставку (XI, 418). В «Автобиографии» и «Литературных и житейских воспоминаниях» Тургенев, как известно, допустил несколько хронологических ошибок (неправильно обозначил начало своей службы 1842 г. вместо 1843 г., жизнь в Парголове отнес к лету 1843 г. вместо 1844 и др.). «Мемориал», написанный значительно раньше, хронологических ошибок не содержит.

Вспоминая впоследствии о Белинском, Тургенев обычно рассказывал об их встречах летом в Парголове. В записи 1844 г. публикуемого документа также упоминаются эти встречи. Возвратившись из Москвы 5/17 мая, Тургенев поселился на лето под Петербургом в Парголове. Он ежедневно навещал Белинского, жившего на даче около Лесного института, расположенного примерно в пяти километрах от Парголова.

Сближение с Белинским, являвшимся, по позднейшему определению Тургенева, «центральной натурой» эпохи, одним из виднейших «руководителей общественного сознания», сыграло исключительную роль в дальнейшем развитии молодого писателя. Чтение статей критика, беседы с ним окончательно определили идейное развитие Тургенева. Непосредственное личное воздействие Белинского, влияние его страстной, неотразимо действующей проповеди, способствовало укреплению в Тургеневе передовых взглядов (см. статью Н. Л. Бродского «Белинский и Тургенев». — Сб. «Белинский — историк и теоретик литературы». М. — Л., 1949, стр. 323—342). В августе 1844 г. в Парголове Тургеневым была написана его вторая поэма «Разговор», несомненно, выросшая из бесед с Белинским. Белинский увидел в ней исповедь человека своего поколения (Б е л и н с к и й, т. IX, стр. 164—170).

В записи 1843 г. Тургенев выделил как особенно значительное для него событие — знакомство с Полиной Виардо-Гарсия, французской певицей (написано крупными буквами и подчеркнуто). Осенью 1843 г. Полина Виардо выступала в Петербурге в итальянской опере. Тургенев познакомился с ней 1/13 ноября. «Сегодня ровно девять лет, как я в первый раз был у вас в Петербурге, в доме Демидова. Я помню это

первое посещение так, как будто оно произошло вчера», — писал он Виардо 1/13 ноября 1852 г.

В автобиографической канве, записанной на полях черновой рукописи «Дневника лишнего человека», Тургенев отнес знакомство с Виардо к концу октября 1843 г. (см. выше, стр. 340).

В зимние сезоны следующих 1844—1846 гг. Виардо пела в Петербурге и Москве. О встречах с ней сообщают записи «Мемориала». Весной 1845 г. вместе с семьей Виардо Тургенев ненадолго уехал в «чужие края». Он первый раз посетил Куртавель — имение Виардо.

Интересно упоминание в записи 1845 г. имени Жорж Санд. Можно предположить, что Тургенев познакомился с ней не в 1847 г., как считал Гальперин-Каминский (Г.-К., стр. 227), и не в 1846 г., как предполагал В. Каренин («Тургенев и Жорж Санд». — «Тургеневский сборник». Пб., 1921, стр. 98—99), а еще в 1845 г. Общеизвестно то горячее увлечение произведениями Жорж Санд, которое в 1840-х гг. испытывали русские писатели, в том числе и Тургенев.

Эженно Пиццолато — итальянский оперный певец, выступал в Москве и в Петербурге в 1840—50-х гг. Тургенев писал о нем П. Виардо 9/21 мая 1844 г. из Петербурга: «Какой это благородный, милый малый, искренно привязанный к вам!» Упоминает о Пиццолато Тургенев и в письме к Виардо от 29 января/10 февраля 1853 г. в связи с сообщениями в газете о его концерте в Москве.

«Поездка в Пиренеи», о которой пишет Тургенев в «Мемориале», состоялась, очевидно, в августе 1845 г. 29 июля он вместе с В. П. Боткиным выехал из Парижа на юг Франции. После непродолжительного путешествия по южным городам он уже один отправился «шляться по Пиренеям». Тургенев собирался рассказать об этой поездке в очерке «Несколько дней в Пиренеях». Известен лишь небольшой отрывок из этого очерка, написанного во второй половине 1840-х годов («Несколько дней в Пиренеях». — Т. Сб. Орел, 1940, стр. 7; см. также письмо Н. М. Сатина к Огареву от 11 августа 1845 г. — «Русская мысль», 1891, № 8, стр. 15).

Летние месяцы 1845 г. Тургенев выразительно оценил как «самое счастливое время» своей жизни.

В качестве наиболее значительного события 1846 г. Тургенев отметил создание им первого из очерков «Записок охотника» — «Хорь и Калиныч». Это единственное из прозаических произведений, упомянутое Тургеневым в публикуемых автобиографических заметках.

Записи 1843—1846 гг. содержат несколько женских имен, неизвестных ранее в биографических материалах о Тургеневе: Катя, Настя, Фифина. Едва ли можно выяснить в настоящее время, кто были эти женщины и какую роль в жизни Тургенева они сыграли.

Оперу немецкого композитора Отто Николаи «Il Templario»* (1840) Тургенев слушал в сезон 1845/1846 г. в Петербурге в итальянской опере. В «Современных заметках», написанных в 1847 г., Тургенев вспоминает о ней (Тург. АН. Сочинения, т. I, стр. 308).

1847

«Мемориал» дает нам возможность точно назвать дату отъезда Тургенева за границу в 1847 г. — 12 января. До сих пор эта дата была неизвестна. В «Летописи», составленной М. К. Клеманом, указывается лишь приблизительно: «вторая половина января ст. ст.».

В Берлине на сцене Королевской оперы пела Полина Виардо. О свидании с ней в Берлине и упоминает Тургенев в «Мемориале». Судя по записям, Тургенев в это время слушал Полину Виардо в опере «Жидовка» Галеви, в партии Рахили. Восторженно воспринимая Виардо-актрису, восхищаясь ее голосом, ее большим драматическим дарованием, Тургенев, как свидетельствует его письмо к Виардо от 28 августа/9 сентября 1850 г., отрицательно относился к этой опере в целом: «Вы имели боль-

* Тамплиер — рыцарь ордена храмовников (итал.).

шой успех, и тем не менее я уверен, что эта тяжелая и натянутая декламация должна была оставить у вас в душе большое утомление и большую пустоту».

Упомянутую далее рядом с Мюллером фамилию Ланке расшифровать не удалось.

9/21 мая в Берлин приехал больной Белинский и остановился у Тургенева. Публикуемые заметки, к сожалению, не дают ничего нового в освещении этого периода жизни Тургенева, известного нам по воспоминаниям самого писателя, по мемуарам Анненкова, по письмам Белинского. В Зальцбрунне, «в чистом деревянном домике с уютным двориком на главной, но далеко не блестящей улице бедного еще городка» (Анненков, 1960, стр. 333), вместе с Белинским, который там лечился, и Анненковым Тургенев прожил почти полтора месяца (с 22 мая/3 июня по начало июля ст. ст.). Там, при непосредственном общении с Белинским, писавшим свое знаменитое «Письмо к Гоголю», Тургеневым был создан один из лучших антикрепостнических рассказов «Записок охотника» — «Бурмистр». В начале июля Тургенев, неожиданно для друзей, уехал из Зальцбрунна. Однажды Тургенев, — вспоминает Анненков, — «объявил нам, что уезжает на короткое время в Берлин — проститься с знакомыми, отъезжающими в Англию, но что, проведив их, снова вернется в Зальцбрунн. Он оставил даже часть вещей на квартире. В Зальцбрунн он не возвратился, вещи его мы перевезли с собой в Париж, сам он чуть ли не побывал за это время в Лондоне» (Анненков, 1960, стр. 334—335). Объясняя причины поспешного отъезда Тургенева, Анненков говорит о «подвижности» его натуры, о «жажде жизни», о «стремлении все самому увидеть и везде побывать».

Подробности поездки Тургенева в 1847 г. в Англию неизвестны. В «Мемориале» Тургенев лишь кратко записал: «Лондон—Булонь».

Конец лета и осень Тургенев прожил в Куртавнеле вместе с семьей Виардо. Изредка он бывал в Париже, встречался с Белинским (до отъезда его в Россию), с Анненковым. Зиму (с октября) он провел в Париже. Запись «Мемориала», характеризующая эти месяцы, предельно лаконична и бедна по содержанию, несмотря на то, что это было время активной творческой работы Тургенева, разнообразных впечатлений и встреч. Красноречивые письма к Виардо, написанные Тургеневым из Парижа, подробно рассказывают об этих впечатлениях и встречах, мыслях и переживаниях.

1848

Не менее лаконична и запись «Мемориала», характеризующая 1848 г., несмотря на то, что это было время крупных общественно-политических событий, непосредственным очевидцем которых был Тургенев. Впоследствии он рассказал об этих событиях в очерках «Наши посланцы» (1874) и «Человек в серых очках» (1879) (X, 358—394).

«Революция без меня!» — кратко, но выразительно записал Тургенев в «Мемориале». Он имел в виду февральскую революцию 1848 г. во Франции. 24 февраля была свергнута июльская монархия: король Луи Филипп отрекся от престола и бежал в Англию. Это была первая в истории буржуазно-демократическая революция, в которой решающая роль принадлежала рабочему классу.

Весть о начале французской революции застала Тургенева 14/26 февраля в Брюсселе, столице Бельгии, куда он незадолго перед тем приехал. «Полчаса спустя, — вспоминал Тургенев в очерке «Человек в серых очках», — я уже был одет, уложил свои вещи — и в тот же день несся по железной дороге в Париж» (X, 376).

Тургенев с обостренным вниманием следил за развивавшимися событиями, стремился все увидеть собственными глазами и осмыслить происходившее. Об этом свидетельствует его письмо к П. Виардо «Точный отчет о том, что я видел в понедельник, 15 мая (1848)». О демонстрации 15 мая Тургенев упоминает и в «Мемориале». Это была народная демонстрация, явившаяся протестом против отказа французского временного правительства поддержать национально-освободительное движение в Польше, против предательской, по отношению к рабочему классу, политики учредительного собрания. Запись о 19 мая объяснить не удалось.

В Париже Тургенев пережил и грозные июньские дни 1848 г., те дни, которые, по словам писателя, «такими кровавыми чертами вписаны на скрижалях французской истории» (X, 384). Он был свидетелем июньского восстания парижского пролетариата, баррикадных боев и последовавшего, после поражения восстания, неистового разгула реакции.

Несмотря на несомненно прогрессивный характер политического мировоззрения Тургенева, на проявленный им интерес и сочувствие к рабочему люду, «блузникам», отношении его к событиям французской революции говорит о том, что даже в молодости, в годы дружбы с Белинским и Герценом, идеи демократической революции, идеи социализма были для него чуждыми и неприемлемыми.

Некоторые сведения о парижской жизни Тургенева содержатся в воспоминаниях Н. А. Тучковой-Огаревой (Н. А. Т у ч к о в а - О г а р е в а. Воспоминания. М.—Л., 1959, стр. 279—291). Тургенев в «Мемориале» в записи 1848 г. тоже назвал Тучковых, имея в виду друга Огарева и Герцена Алексея Алексеевича Тучкова и его двух взрослых дочерей Елену и Наталью (последняя вскоре стала женой Н. П. Огарева). Тучковы приехали в Париж из Италии после получения известия о февральской революции 1848 г. Тургенев познакомился с ними через Анненкова и, видимо, дружески сблизился с Натальей Алексеевной. Об этом говорят не только ее воспоминания, но и посвящение ей комедии «Где тонко, там и рвется», написанной Тургеневым в июле 1848 г.

Среди бумаг Н. А. Тучковой-Огаревой, хранящихся в ЦГАЛИ, находится крошечная записная книжка в красном муаровом переплете с заглавием «Tablettes de Poche» («Карманные таблички»), украшенная литографированными картинками на каждый день недели. На л. 1 рукой Тургенева мелким почерком написано:

«Эта книжечка подарена мною Наталье Алексеевне Тучковой перед ее отъездом из Парижа, во-1-ых, для того, чтоб она напоминала ей о человеке, который очень ее любил, — во-2-ых, для того, чтобы она (Наталья Алексеевна) удерживалась от крепких напитков, — в 3-х, наконец, для того, чтобы она не принимала никогда сильных решений — не взглянув на эти строки и не вспомнив наших разговоров. — А, впрочем, желаю ей здоровья, веселья, счастья и СВОБОДЫ... До свиданья.

Париж,
14-го авг(уста) 48

Ив. Т у р г е н е в

В той же записной книжке на листке, обозначенном: «Samedi» («Суббота»), рукой Н. П. Огарева написано:

«Желание Тургенева сбылось. Мы счастливы, потому что ужасно любим друг друга, моя Наташа» (ЦГАЛИ, ф. 359, оп. 1, д. 175. — Сообщено Л. Р. Л а н с к и м).

По поводу этой книжки Н. А. Тучкова-Огарева сообщала впоследствии в своих воспоминаниях: «Осенью мы оставили Париж: срок, назначенный для нашего путешествия, оканчивался; Иван Сергеевич пришел проститься и принес мне на память маленькую записную книжечку, где было написано, чтоб я никогда не принимала серьезного решения, не взглянув на эти строки и не вспомнив, что есть человек, который меня никогда не забудет» (Н. А. Т у ч к о в а - О г а р е в а. Воспоминания, стр. 283).

В некрологе Н. А. Тучковой-Огаревой, напечатанном М. О. Гершензоном в «Русской мысли» (1914, № 4), он упомянул о том, что Тучкова-Огарева показывала ему «портреты и маленькую записную книжку, которую в 1848 г. подарил ей И. С. Тургенев, — вся первая страничка была занята полушутливым обращением к ней, рукой Тургенева <...> Теперь, после смерти Н. А., и эта записная книжка, и та фигурка, и еще некоторые вещи из тех, какие она мне показывала, не нашлись среди ее вещей; все остальное — шляпы, портреты и пр. — поступит в „Комнату людей 40-х годов“ при Румянцевском музее в Москве» («Архив Н. А. и Н. П. Огаревых». М.—Л., 1930, стр. 292). Речь идет именно об описанной выше книжке, хранящейся в ЦГАЛИ.

Тучковы некоторое время жили в одном доме с Герценом, и Тургенев у них часто бывал. Знакомство с Герценом состоялось еще в России. Зимой 1844 г. в Москве Тургенев виделся с Герценом и произвел на него, как известно, неблагоприятное впечатление (см. письмо Герцена к Кетчеру от 1 марта 1844 г. — Г е р ц е н АН, т. XXII,

совершенно точно установить хронологические рамки создания комедии. На первой странице тетради рукой Тургенева написано: «Начата 9-го февр./28-го января 1849-го г. в Париже, rue Tronchet, 1. Кончена: 22-го/10-го марта 1849-го г. Там же...» (Тург АН. Сочинения, т. II, стр. 415). «Завтрак у предводителя» был написан в июле 1849 г. в Куртавнеле (письмо Тургенева к П. Виардо от 27 июля/8 августа 1849 г.).

В записи 1849 г. Тургенев упомянул о своей безденежной жизни в Куртавнеле. Безденежье это было вызвано тем, что Варвара Петровна, недовольная затянувшейся отлучкой сына, перестала высылать ему деньги. Тургенев жил на свой скромный литературный заработок. В письмах к Виардо он не раз сообщал юмористические подробности своего «бедственного» положения.

1850

В записи 1850 г. Тургенев упоминает о встречах с Гуно, знаменитым французским композитором. Тургенев познакомился с Гуно в доме Виардо, видимо, 6 января. Весной 1850 г., по приглашению Полины Виардо, Гуно приехал в Куртавнель и встретил там, по его словам, «прекрасного человека Ивана Тургенева» (Г.-К., стр. 107; см. также: Ш. Г у н о. Воспоминания артиста. М., Музгиз, 1962, стр. 94—95).

В Куртавнеле Гуно работал над своей первой оперой «Сафо», и Тургенев был свидетелем его творческих исканий. «С каким нетерпением ожидаю я вашего отзыва о втором акте „Сафо“! — писал Тургенев Виардо 31 августа/12 сентября 1850 г. из России. — Если Гуно не великая музыкальная сила, если в нем нет гения, то я отказываюсь от всякого суждения о людях и дарованиях».

Тургенев возвратился в Россию в июне 1850 г. Встреча с матерью, взаимоотношения с ней, «ссоры и дразги» в семье подробно и, видимо, правдиво описаны в воспоминаниях В. Н. Житовой (В. Н. Ж и т о в а. Воспоминания о семье И. С. Тургенева. Тула, 1961, стр. 128—152). Смерть Варвары Петровны 16 ноября 1850 г. преврала затянувшуюся семейную ссору.

Упоминаемый в «Мемориале» Тютчев — Николай Николаевич, приятель Белинского, вскоре стал управляющим имениями Тургенева.